

*Нет
Бога,*

*кроме
Алана
М.*

«Метрический тензор? Нет, не слышал.»

*Почему до сих пор мы не обнаружили ни одной инопланетной формы жизни?
Инопланетян не существует, или на самом деле они нас просто избегают?
Алан Максин, происхождение которого берет начало в лучах прямой
трансляции телеэфира СССР, сумел выйти за пределы
"линейного" человеческого разума и даже пригласил в гости инопланетянку.
Но последствия такого визита получились катастрофическими...*

Алена Чапаева

Научная фантастика

18+

Чапаева Алена

Нет бога, кроме Алана М.

«Автор»

2020

Чапаева Алена

Нет бога, кроме Алана М. / Чапаева Алена — «Автор», 2020

Он - нищий гений, несчастный и одинокий. Даже жена презирает его из-за никчемности. С утра до вечера он возится в гараже, изобретая никому не нужный звездолет. Она - нежный цветок космоса, получеловек-полуамеба. У нее потрясающая гибкость и абсолютное доверие к людям. Есть еще третий. Космический кошмар, жестокий хаос, без тела и страха. И он ее найдет...И люди, всегда люди, которых испортил квартирный вопрос...Кто победит в этом сложном любовном треугольнике?!

© Чапаева Алена, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Нет бога, кроме Алана М.	5
0. Правитель и предатели	6
Ипотечная история	8
Алан, непорочно рожденный	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чапаева Алена

Нет бога, кроме Алана М.

Нет бога, кроме Алана М.

Алёна Чапаева

Почему до сих пор мы не встретили ни одной инопланетной формы жизни? Инопланетян не существует? Или они нас просто избегают? Алан Максин, происхождение которого берет начало в лучах прямой трансляции телеэфира СССР, сумел выйти за пределы «линейного» человеческого разума и даже пригласил в гости инопланетянку. Последствия такого визита получились катастрофическими... Роман выходит за пределы жанра космической фантастики, имеет элементы сатиры.

0. Правитель и предатели

Ракообразное отряда беспозвоночных выглядело устрашающе. Медленно оно скользило по стенке аквариума и словно бы рассматривало обстановку своими холодными блестящими шарами глаз. Генерал знал, что правильно эта огромная креветка именуется радужным омаром, но невесть откуда взявшаяся в кабинетном «подводном мире» тварь его почему-то пугала. Он — настолько неприятен был вид этого, в сущности, красивого морского гада, — даже набросил на стеклянный сосуд кусок черной материи. «Нервы шалят», — подумал генерал и принял капсулу успокоительного, если так можно назвать поистине лошадиную дозу транквилизатора, притупляющего ноющую боль раны и отбивающего желание рухнуть в долгий-предолгий сон.

Плотно накрыв аквариум, генерал Азимут осмотрелся. Он будто хотел узреть то, что могло ускользнуть от его взгляда, и то, что только что видел омар. Старый бункер с облупившейся краской, потрепанный ноутбук и стол, наспех сделанный из снятой с петель двери. Замусоленные карты на стенах. Бронированная дверь. Отсутствие окон и нормальной вентиляции, по причине чего в воздухе навсегда завис запах табака и карболки. Пятна технического масла на полу. Панель с доисторическими тумблерами и телефоном-трубкой на кудрявом проводе... Зеркало... В нём сам главнокомандующий, выглядевший под стать интерьеру: небрит, давно не стрижен, имеет одутловатое лицо и вечно уставшие, запавшие внутрь этого лица, глаза. Из-под спутанных волос — взгляд уставшего зверя. Умного, хитрого и выдавшего виды, но — зверя, который внимательно наблюдает за обстановкой сквозь космы шерсти и завесу табачного дыма. Всегда готов наброситься, загрызть насмерть, потому что это логово — его последнее пристанище, и отступать ему больше некуда. У генерала за поясом в обшарпанной кобуре «Смит и Вессон», конечно же, всегда заряженный. А за револьвером внимательно следит Азимут, вернее, его правая рука, сохраняющая состояние внимательного покоя, но в любой момент готовая скользнуть к предохранителю. По этой причине все кнопки и ноутбук на импровизированном столе-двери находятся с левой стороны. Правая конечность всё время немного отстает в действиях, словно бы делегируя полномочия основных бытовых функций — взять сигару, блокнот или ноутбук — левой.

Некоторая судорожность движений выдает нервный тик, которому уже давно подвержен главнокомандующий. Время от времени его лицо непроизвольно конвульсирует в страдающую гримасу — следствие сотен бессонных ночей, истерзавших мозг правителя.

Вентилятор, лениво нарезающий круги по покатоному потолку бункера, выполняет функцию песочных часов. Любой посетитель знает, что мерный стук вращающихся лопастей ритмом напоминает биение человеческого сердца, и хочет слышать этот умиротворяющий звук по возможности дольше, поэтому предпочитает говорить быстро, точно и без излишеств.

— Сегодня было сразу три вылазки диверсантов, генерал Конро, — докладывает полковник Смагин. — Две группы по пять человек заминировали поле, третья расставила растяжки на въезде в город. Поле разминировали. Растяжки убрали.

— Взяли? — коротко спрашивает Азимут.

— Нет. Ушли.

Генерал нервно закуривает и перекидывает папиросу из одного угла рта в другой.

— Как ты сам, Серёжа? — почти ласково треплет Смагина по руке. — Как пережил смерть Ильи?

Полковник сохраняет спокойное выражение лица, но в его глазах проскальзывает болезненная эмоция.

— Илья был мне братом. Мы росли вместе...

– Да, именно поэтому я и спрашиваю, — в голосе Азимута слышится плохо скрываемая ярость, — как ТЫ?!! Остаешься верен нам или...

– Мой генерал, я до конца предан отчизне и флагу, — резко выпрямившись, рапортует Смагин. — Я никогда не перейду на их сторону!

Генерал внимательно смотрит на бесстрастное лицо подчиненного. Тот справился с эмоциями и обрел спокойствие. Азимут недовольно кашляет и отдает несколько распоряжений относительно дальнейшей охраны лагеря.

Полковник берет под козырек и направляется к выходу.

– Постой... — Азимут как-то нерешительно смотрит на Смагина. — А ты не знаешь, откуда у меня в кубрике взялся аквариум?

Сергей слегка пожимает плечами.

– Мы вчера из суши-бара перевезли. Кабак ночью разбомбили, а аквариум уцелел. Говорят, вид морских обитателей успокаивает нервы, — и Смагин выходит из отсека.

Главнокомандующий несколько секунд смотрит, не мигая, в одну точку, затем вынимает блокнот и, сделав в нём несколько важных пометок, чуть позже снимает с аппарата трубку и просит кого-то соединить с центром космических исследований НАСА.

По телефону он долго беседует — сперва на английском, затем на немецком — с учеными, находящимися на другом материке. Проходит сорок минут, прежде чем Азимут кладет трубку.

Генерал вытирает лоб, отхлебывает остывший чай и утыкается взглядом в стену. Через несколько секунд она гулом отдает близкий взрыв, с поверхности начинают сыпаться песок и штукатурка. Телефон на столе звонит, в его трубку без конца летят доклады, на фоне которых слышны вопли и грохот сражения.

Черная ткань слетает с аквариума, и ожививший омар снова будто бы с любопытством рассматривает на Азимута.

Генерал между тем отдает множество команд, затем требует открыть башню и выходит за бронированную дверь, в другой отсек бункера. Там он поднимается по винтовой лестнице вверх, крутит ручки тумблера, в ответ с потолка медленно спускается перископ. Главный наблюдает за штурмом собственной крепости. Он уже не чувствует тревоги, только ужасающий холод от ощущения близкого поражения. До сих пор еще никто не смог выиграть у повстанцев ни одного сражения. Всё было абсолютно бессмысленно. Даже сдать на милость победителя — их предводитель Сайрус не знает такого слова и не испытывает к пленным ничего, кроме презрения.

Тем временем войска противника подобралась еще ближе. Убитые лежали невысокими холмами, сливаясь с пейзажем своим неподвижным камуфляжем и застывшим воском лиц.

Но то, что происходило с живыми, вызывало у генерала волну недоумения и гнева.

– Пятый, Пятый, — орал в рацию Азимут, — какие потери несем?

– Убитыми или диверсантами? — уточнил «Пятый», полковник Смагин.

– Диверсантами, предателями. Называй как хочешь. Сколько наших перебралось на ту сторону с начала сражения?

– Двести двенадцать человек.

Главный бессильно ударил кулаком по стене.

— Убитых сколько?!

– Около пятидесяти. Точнее не скажу.

– Мне необходимо знать, сколько наших солдат было убито в тот момент, когда «крысы» уже сбежали. Следует сосчитать количество дезертиров.

– Есть сосчитать дезертиров!

Генерал быстро сбежал вниз, к своим чертежам на стенах. Пятьсот человек батальон. Из них пятьдесят, допустим, убитых. Двести двенадцать солдат перешло на сторону врага.

Двести двенадцать предателей! Как всегда, среди самых лучших, самых отважных солдат! А главное, никогда не знаешь, в какой момент ТВОЙ боец вдруг начнет убивать товарищей. Тех, с кем еще утром стоял в построении, завтракал, курил, смеялся!!!

Это просто эпидемия, зараза, чума. Почему вдруг, внезапно, как только войска генерала начинают побеждать, кладут неприятеля на лопатки, и фанфары вот-вот затрубят, один из своих начинает подло, со спины, косить собственных друзей, однополчан?! К нему подключаются другие, за ними следующие, и так дальше, пока не наступит поражение...

Главный включил экран ноутбука и нашел ролик допроса одного из таких предателей. Харкая кровью, бывший лучший боец взвода, сержант Александр Задорин повторял одно и то же:

– Вы жалкие выродки. Вы все подохнете, твари, — и, получая прикладом в висок, ухмылялся.

Допрос и пытки ничего не дали. «Кто тебя переманил, что пообещали?» — лишь молчание и дурацкая улыбка в ответ. Что ж, гнись, получай пулю в лоб!

В следующем ролике допрашивали уже Илью Смагина, того самого, принимавшего участие в допросе Задорина. Брата полковника Смагина. Тот же результат, эффекта — ноль. Пытались припугнуть детьми, женой — ничего не интересует, абсолютно!..

Тут шифровкой пришел доклад полковника. Азимут подошел к грифельной доске и стал рисовать схему.

«Вот наших пятьсот. Из них предателей двести двенадцать.

Было убито пятьдесят восемь. Из них только двое переходивших на сторону врага. И снова пополнился взвод перебежчиков. Задача для школьника — сколько всего предателей во всём взводе? И почему среди живых их количество всегда одинаковое?!»

Генерал вздохнул и огляделся. Снова эта чертова креветка в аквариуме.

Мгновение, выстрел — и аквариум разлетелся вдребезги, одним из осколков слегка оцарапав генерала. Омар шлепнулся на пол и беспомощно зашевелил конечностями. Генерал подошел к экзотическому существу и с садистским наслаждением раздавил его сапогом.

Всё исчезло.

Никто не знает, когда начнется его персональная Вечность...

Часть

I

. Алан

Ипотечная история

«В современном мире с каждым днем всё больше усиливается деление общества на классы, — писал неизвестный журналист в колонке "Коммунист" интернет-сайта "Пропаганда.Pro". — Под давлением олигархии даже средние слои отказываются от своих простых человеческих прав, завоеванных в вековой кровавой борьбе: права на труд, восьмичасовой рабочий день, жилье и отдых. Сейчас представитель среднего класса уже почти не выражает беспокойство ужесточением законодательства и ущемлением собственных прав и свобод. Скорее, он озабочен возможностью осуществить выплаты за свое среднестатистическое жилье, взятое в ипотеку. Таким образом, мы все оказываемся винтиками механизма огромной государствен-

ной машины, призванной обслуживать правящий класс, постоянно отводя от него опасность в виде недовольного и постоянно растущего за счет снижения платежеспособности класса низшего, беднейшего. Единожды попав в тиски банковской машины, человек по замыслу олигархов не должен из нее выбраться. Иначе он начнет осмысливать свое реальное положение в обществе и придет к выводу, что государственные ресурсы, по конституции принадлежащие всем, неравномерно распределяются среди слоев населения. А это для буржуазии опасно... Мы призываем сплотиться в единой борьбе против капиталистической сволочи и раз и навсегда установить на планете социализм...»

Перечитав абзац дважды, Тамара закручинилась. Она сама стала жертвой ипотечной машины, когда с мужем и маленьким сыном оказалась в крошечной комнатке государственного общежития. Так бывает: надеялись на квартиру, зеленый двор и обещанный в рекламном проспекте рай на земле, но не смогли выплатить ипотеку по причине собственного банкротства.

В современной мышеловке сыр не бесплатный, он просто идет со скидкой в сорок процентов.

Хуже всего то, что муж Тамары — тот, кто должен был бы, по идее, спасти ситуацию, — оказался абсолютным подлецом. То есть, мало того, что соседи — сплошь маргиналы и бездельники, — дорогой супруг Алан, с некоторых пор нелюдимый и болезненно худой, отгородил полкомнаты под свои апартаменты. Там, за стенкой, он, постоянно проводя какие-то дикие опыты с веществами, стал не то оккультистом, не то наркоманом и шизофреником, а, может, и всеми ими вместе. Тамара, женщина с некоторых пор набожная — как и многие, попавшие в отчаянное положение, ее сограждане, — оборонялась от негативного влияния на мужа иконами, святой водой и другими атрибутами христианской веры. Иногда, по ее словам, молитвы срабатывали: Алан куда-то ненадолго испарялся, а позже появлялся с небольшими деньгами. Однажды Тамара даже пригласила батюшку, который констатировал присутствие темной энергии в общежитии.

— Раба Божия Тамара, — печально сообщил церковник, — беги из этого ада и поскорее. Бери чадо свое и беги, задравши подол, куда глаза глядят. Я, конечно, квартирку-то обработаю, но тут дитяти не место... Неудивительно, что супружник твой умом рехнулся, дыра-то какая...

Священник провел сложный обряд освящения, после чего вздохнул, повторил пожелание и, сев на мотоцикл, укатил восвояси.

Чуть позже Тамара осторожно постучала в дверь.

— Алик, — как можно нежнее прошептала она, — как ты себя чувствуешь?

Муж молчал. Жена слегка толкнула створку, но та была заперта изнутри. Пришлось искать ключи.

После некоторой возни дверь поддалась, и в комнату просочился довольно странный запах. Женщина некоторое время ждала, пока глаза привыкнут к темноте. Затем она увидела нечто странное — посреди комнаты стояла непонятно откуда взявшаяся большая металлическая ванна, с борта которой свешивались длинные человеческие волосы. Это были волосы Алана.

Тамара, предчувствуя беду, медленно подкралась к сосуду. Ее Алик, абсолютно голый, совершенно неподвижно лежал в каком-то растворе... Тамара не смогла сдержать крик. Сработало очищение или нет, но муж впал в кому и его определили в клинику.

Уверовав в чудо, Тамара сразу же объединила две комнаты обратно в одну: тонкую стену с легкостью распилили изнутри. Пугающие склянки и архивы супруга были брезгливо выброшены на помойку, подозрительные книжки сданы в макулатуру.

Тамара все годы была преданной подругой Алану и хорошей хозяйкой. Она истово старалась поддерживать порядок даже в убогой комнатке, где из-за мебели некуда было втиснуться людям. Заглядывая в мобильное приложение, куда капала небольшая зарплата специалиста по рекламе для местной газеты, женщина всякий раз горестно вздыхала, но не попрекала

мужа тем, что тот уже лет пять сидит без настоящей работы. «Ему и так тяжело, — думала она, — пусть отдохнет, подлечит нервы своими книжками». Только Алан, не ценя усилий жены, совершенно отдалился от Тамары и уже долгое время не желал ее ни как женщину, ни даже как собеседника. Единственным звеном, как-то связывающим некогда близких друг другу людей, оставался их маленький сын Платон.

Иногда отчаявшейся Тамаре казалось, что лучше бы супругу совсем помереть, чем становиться таким вот позорищем: без работы, в голове не пойми что, в друзьях одни алкоголики. И вот он просто влез в ванну и впал там в кому. Страшно сказать, но для Тамары это было спасением. Пока муж лежал в больнице, жена навела порядок, прибралась, снесла перегородку и выбросила всё лишнее.

С того благословенного события минуло два года. Но вот однажды Алан вдруг объявился — бодрый, здоровый, да еще и волочивший за собой какую-то девицу и больничную пижаму. Он молча выставил вещи законной супруги из ставшей уже вполне пристойной комнаты и перегородил вновь прорубленный проход большим шкафом. Это было очень некстати, особенно теперь, когда Тамара почти начала новую жизнь.

Разгневанная жена решила победить Алана старым надежным способом — бюрократией и кляузами. Словно нож из ножен, женщина выхватила из ящика шариковую ручку, выдернула из прописи сына листок бумаги и кровожадно застрочила донос.

«Мой муж, с которым я нахожусь в бракоразводном процессе, умственно неполноценный Алан Максин — потомственный алкоголик, — в азартном упоении писала Тамара. — За квартиру он не платит, не появлялся здесь несколько лет, долги за коммуналку всё время растут. Содержит в комнате запрещенную литературу, которая была мною выброшена, а он требует ее обратно и скандалит. Привел в комнату бабу, язык не поворачивается назвать ЭТО существо женщиной. Она вся синяя от пьянства и наркомании, наверняка заразна чем-то венерическим, кожа на руках шелушится. Проживает она без регистрации, постоянно шипит и ни с кем не разговаривает. Видимо, психически больная. Прошу выселить Алана Максина и его сожительницу и передать мне в пользование все десять квадратных метров его жилплощади. Я обещаю исправно оплачивать коммунальные платежи... Справки прилагаются».

Поплакав, Тамара собрала подписи соседей и побрела по инстанциям — в суд, ЖЭК и полицию.

Сынишка Тамары и Алана Платон, шести лет от роду, только и ждал, когда его родительница отправится восвояси. Мгновенно потеряв интерес к конструктору, мальчик подбежал к забитому фанерой дверному проему, отогнул одну за другой удерживающие преграду скрепки и протиснулся между нею и деревянным шкафом, стоящим в соседней комнате.

Высунув осторожно голову, мальчик обвел помещение взглядом. Обои в какой-то бессмысленный цветочек совершенно не сочетались с остальной обстановкой. Горы книг на голом полу, трельяж, тоекратно отражающий пространство, ламповый проигрыватель — всё будто из прошлого века. Какие-то запчасти и колбы с реагентами. Множество полок, на них десятки темных банок с загадочными компонентами, которые, вступая в реакцию, демонстрировали интереснейшие свойства. Загадочные схемы, начерченные на ватмане и прямо на стенах. Диван, даже как будто лишний в этой комнате, напоминающей мастерскую волшебника, развернут спинкой к входу, скрывая от случайных глаз человека, который на нём отдыхает.

Мальчик, подумавший было, что диван пуст, ощутил краткую тревогу. Он незаметно подкрался к ложу и увидел на нём скомканную простыню, под которой виднелись очертания человеческого тела.

Она была на месте.

Платон потянул на себя простынку и обнажил... девушку?

Во сне ее тело принимало цвет окружающего интерьера, поэтому сейчас оно было белоснежным, как ткань, на которой она спала. Платон уселся рядом на диван и стал разглядывать

ее лицо. Сейчас она была очень красивой, прямо как Снежная Королева из сказки. Только вот за широкими будто бы восточными скулами — небольшие жабры, плавно уходящие в отверстия ушей. Лицо почти человеческое, но пока веки существа были сомкнуты, никто бы не подумал, что на самом деле за ними есть несколько независимых створок, которые медленно, по очереди, накатывают на антрацитовые, лишенные белка глаза. Черные волосы, совсем как у людей, однако, если провести по ним рукой, они заискрятся. Мальчик погладил маленькой ладошкой волосы спящей красавицы, потрогал небольшой хохолок на ее голове и уже на позвоночнике нащупал притаившийся там плавник. Чешуйчатый вырост был барометром настроения тихой гостьи с далеких планет — настроженность, внимание, недовольство или гнев заставляли его вздрогнуть и подняться дыбом. В умиротворенном же состоянии он всегда аккуратно лежал между лопатками.

Мальчик вздохнул и покашлял, чтобы разбудить соседку.

Длинное белое тело дрогнуло, поменяло несколько раз окраску; гребень на спине встретился. Одна за другой, все створки век разомкнулись и на Платона уставились бездонные, как космос, глаза. В тот же миг плавник приклеился к лопаткам, а на лице «девушки» появилась очень приветливая человеческая улыбка.

– Платошка, — прошипела она ласково, обнажив мелкие острые зубы в два ряда.

– Юка! — воскликнул мальчик и обнял странную соседку за шею. — У нас сейчас урок, вставай, соня!

Алан, непорочно рожденный

Алан, по словам матери, был зачат непорочно. Единственной причиной внезапно возникшей внутри сорокапятилетнего тела первой и единственной беременности птичница-ударница Анна Петровна Максина считала ежедневные дистанционные сеансы телевизионного целителя и чародея Алана Чумака. В самом деле, не мог же ее собственный супруг-пьяница произвести на свет такую лапушку! А маленький Алан был чудо как хорош: румяный, розовощекий, курносый — совсем как малыш Иисус с картин да Винчи или юный Ильич с Октябрьской звездочки.

Дело было вот как. Анна Петровна каждое утро — вместе с тысячами других, тогда еще очень советских, граждан, — ставила перед экраном телевизора трехлитровую пузатую банку с водой, а сама усаживалась точно за ней. Преломление от выпуклого края сосуда создавало слегка размытое изображение Чумака, энергично размахивавшего руками в стремлении послать зрителям поток добра. По словам женщины, однажды, в полудреме развалившись перед экраном, она увидела, как луч из телевизионного нимба Чумака вышел за рамки экрана и угодил прямоком ей во чрево. Это и было знамение зачатия сына Анны Петровны, о чём незамедлительно узнало все односельчане. Так Максина стала популярной в округе, и долгое время к ней съезжались репортеры в поисках сенсаций для зевак. В скромный домик на краю села даже шли новые «паломники» в надежде получить от «святой» благословение и исцеление.

Фотографии Алана — будто чудодейственные иконы — долгое время раскупались из ларьков «Союзпечати» вместе с газетами и журналами. В ребенке находили массу различных талантов — от музыкального до математического.

Однако чуть позже какой-то умник высмеял в скептической статье теорию непорочного зачатия, и на седую голову Анны посыпались насмешки и оскорбления односельчан: дескать, популярности захотела, шарлатанка! От переживаний из-за внезапно наступившего позора несчастная окончательно лишилась рассудка и была помещена в психиатрическую клинику. Муж ее Алексей к тому времени спился до чертиков и продал-таки каким-то проходимцам

дом. Так закончилась слава мальчика-мессии и началась будничная история жизни обыкновенного сироты.

Когда парню исполнилось 18 лет, он получил от государства комнатку в общежитии. Затем окончил институт, женился — не по любви, а из-за беременности подруги, — стал работать на кафедре преподавателем и взял в ипотеку квартиру. Но тут кризис, сокращение... Максина пытался давать частные уроки, но денег на покрытие долга не хватало. Научную карьеру вместе со сложными наработками пришлось оставить. Но, шутка ли, совсем недавно Алан стоял на пороге открытия, которое сулило ему Нобелевскую премию! А сейчас?! Его и слушать никто не стал!!!

Чуда не случилось, и вместо славы пророка своего времени Алану досталась обычная судьба отброса общества.

Соседи по общежитию Максина, мягко говоря, не радовали: единственной целью их жизни были регулярная выпивка и последующие пьяные дебоши, тогда как сам Алан, памятуя о том, что папочка скончался от пьянства, совершенно не прикасался к спиртному. Ему это и не было нужно — у себя в комнатке парень обложился книгами по теоретической механике и разнообразной научно-популярной литературой.

По замыслу Алана, его собственное тело должно было уметь перемещаться по тонким граням соприкосновения пространственно-временной материи. Откуда он это знал, сказать с точностью было нельзя. Возможно, к этой идее его подтолкнула оставшаяся от матери серия научно-популярных журналов 80-х годов, а возможно, что-то другое... Но почему-то у Максина получалось понять то, что не удавалось другим.

Абсурд ситуации заключался в том, что искусственное преломление времени и пространства происходило исключительно в присутствии соседей-маргиналов Адмона и Фёдора. Те лихо создавали проспиртованное насыщенное человеческими эмоциями поле, которое едва заметно искажало пространство и постоянно выбивало в общежитии пробки, так что Алану пришлось для дальнейших экспериментов провести в комнату трехфазный кабель прямо от уличного фонаря, а чтобы изолировать семью от угара — установить стену из гипсокартона.

Несколько позже Алан заметил, что, если включить по телевизору новости, эмоциональный фон товарищей-выпивох зашкаливает с еще большей силой, и тогда получалось работать даже со временем, перемещая его вперед и — немного — назад. Естественно, никто, кроме экспериментатора и его дружков, не замечал никаких чудес, и это обстоятельство послужило причиной довольно странной дружбы. Интеллигентный Алан приглашал алкашей, чтобы те просто бухали, смотрели телек и разговаривали в его комнате, а сам тем временем считывал сложные эмоциональные вибрации и моделировал пространственно-временной континуум. Его одежда, чертежи и книги пропитались зловонием сигаретного дыма и алкогольного дурмана. Жена сочла Алана человеком конченным, и, немного за него поборовшись, стала ждать естественной в таких случаях развязки — пьяной драки, пожара или любого другого фатально неизбежного события, — которая обычно избавляет таких вот бедолаг от бремени сложной социальной жизни в обществе.

Положение усугублялось тем, что проветривать помещение было нельзя — ритм сквозняка нарушал тонкое поле. Приходилось терпеть удушливый запах и жару, создаваемую дополнительным генератором. В момент одной из научных попок Алан, наконец, открыл нехитрый закон соотношения времени и пространства. Согласно ему, далеко не во всех случаях пресловутое E равнялось MC^2 . Прямая энергии оказалась способна тащить за собой тела не только по прямой в векторе, но и расщепляться в разные плоскости со всевозможными частотами колебаний. Отличие теории Алана Максина от теории относительности Альберта Эйнштейна заключалось в том, что первый отринул вакуум как основу эксперимента. Вместо этого он создал единое волновое поле, равномерно поглощающее и рассеивающее частицы. Потом, поразмыслив, сотворил еще одно, в котором частицы вели себя точно так же, но с небольшой

погрешностью в тысячных долях кварков. А еще позже переместил фокус внимания на рассеявшиеся частицы того фрактала, где, как выяснилось, в мельчайших своих долях возникает та же информация, что и в полной версии.

При этом изменение колебаний частицы в одном фрактале создавало преломление общей картины, но не во всех случаях. Со временем Алан научился разделять фракталы и придавать им разную «историческую» канву. Так, кошку, на которой испытывалась механика процесса, можно было видеть сразу в нескольких углах комнаты. Причем каждая проекция жила в своей отдельной реальности — одна ловила мышь, другая спала, третья пила воду.

Если в начале экспериментов Алану требовался испаряющийся при определенной температуре этиловый спирт, волновая мыслительная активность двух человеческих умов и ритмичные звуки, повторяющие стук сердца, то позже он смог записать всё это на довольно простой носитель. В качестве волноусилителей Максин использовал городские вышки сотовой связи — правда, они потом выходили из строя. Включение полей в разной последовательности напоминало сложное музыкальное произведение, часть нот которого уходило в неосязаемую октаву. Для исполнения подобного «произведения» требовался универсальный инструмент. Этим инструментом стал мозг самого Алана. Его вибрации следовало просто многократно усилить с помощью различных металлов. Так был создан первый «Менталлический Шлем Алана».

Главный секрет шлема состоял в редчайшем сочетании металлов, из которого формировались воронки и антенки. Долгое время с помощью камертона Максин измерял действие металла, высчитывал формулы и, наконец, вывел главную. Алан создал второй «Шлем Космического Ходока», с помощью которого перемещался по разным измерениям до тех пор, пока не изучил их вдоль и поперек. Он понял, что способен менять ход истории в отдельно взятом измерении без влияния его на ту точку, где он присутствовал изначально. При этом все измерения обладали абсолютной реальностью по отношению к самим себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.